

Резкий звук школьного звонка, возвещающего об окончании урока, прозвучал подобно указу о помиловании, вмиг разрушив царившую в классе тягостную атмосферу.

Прежде тихий уголок мгновенно заполнился шорохомдвигаемых парт и стульев, звуками захлопывающихся учебников.

Ли Юань, словно испугнутый воробей, первой выскочила из-за парты, торопливо сунула книгу в ящик стола, бросила на ходу: «Есть, есть! Умру с голоду!» — и со всех ног помчалась к задней двери, её фигурка быстро растворилась в толпе учеников, заполнивших коридор.

А Ли Чжи, сидевший рядом со мной, казалось, был отгорожен от окружающего шума невидимой преградой. Он по-прежнему лежал в той же замысловатой позе для сна, не меняя даже частоту дыхания, и совершенно не собирался отправляться на ужин.

Лучи заходящего солнца падали через окно на его густые черные волосы, оставляя на них небольшое светлое пятно, и весь он походил на застывшую скульптуру.

Я как раз раздумывал, идти ли в столовую, как вдруг лёгкая тень заслонила свет перед моей партой.

Подняв голову, я увидел Чжун Цзиня.

Он стоял в проходе, прислонившись к парте, а на его лице читалось выражение, в котором смешались ожидания и легкое смущение.

— Пойдем! Я отведу тебя поесть, — произнес он.

Тон его был совершенно непринужденным, словно это само собой разумеющееся дело, о котором они заранее договорились.

Заметив, что я все еще сижу неподвижно и смотрю на редких одноклассников, которые все еще копошились в классах или тоже не планировали идти на ужин, а также на глубоко погруженного в сон Ли Чжи, он окликнул меня снова:

— Пошли! Ты разве не голоден? Если еще посидим, всю вкусную еду расхватают!

Говоря это, он сделал несколько шагов в мою сторону.

Его энтузиазм застал меня врасплох, и мне стало совестно заставлять его ждать дальше.

— О, хорошо, — тихо ответил я, торопливо свалив в кучу те самые новшествовые учебники на

столе, в которых почти не осталось никаких пометок, запихнул их в ящик, а затем поднялся на ноги и с некоторой скованностью направился к нему.

Остановившись перед ним, я набрался храбрости, но голос мой по-прежнему звучал тихо и был наполнен искренним извинением:

— Прости... я, я всё еще не очень хорошо всё помню...

Это ощущение было скверным: собеседник, казалось, знал о тебе всё до мельчайших подробностей, в то время как в твоей памяти зияла пустота, словно перед тобой стоял знакомый незнакомец.

Выражение лица Чжун Цзиня на мгновение омрачилось, но тут же снова просветлело. Он махнул рукой и легко произнес:

— О, ничего страшного. Прошло столько времени, это нормально — забыть.

Он сделал короткую паузу, затем внезапно выпрямился, стер с лица беззаботное выражение, и стал необычайно серьезным.

Он больше не опирался на соседнюю парту, а стоял вытянувшись во фрунт, словно принимая смотр.

— Одноклассник Юй Цзиму, — отчетливо чеканя каждое слово, произнес он и одновременно протянул мне правую руку. — Я Чжун Цзинь, староста этого третьего подготовительного класса. От лица всего класса приветствую твой приход!

Столь стандартное, отдающее казенщиной приветствие окончательно меня ошеломило.

Настроение сменилось слишком быстро: от только что прозвучавшего чуть ли не панибратского приглашения — к столь торжественной церемонии встречи.

Какое-то время я так и стоял на месте, глядя на его протянутую руку и на его неизменно серьезное лицо, а затем машинально, несколько деревянно, протянул в ответ свою руку.

Рука у него оказалась крепкой: когда он сжал мою ладонь, я отчетливо почувствовал твердые суставы и горячее тепло.

— Теперь мы можем познакомиться заново.

После того как рукопожатие завершилось, на лице Чжун Цзиня вновь появилась улыбка — на

этот раз в ней было меньше непринужденности, но куда больше искренности и... словно бы облегчения?

Глядя на его выходку, в моей голове неожиданно мелькнула мысль:

Быть может, в прошлом нас связывало нечто большее, чем мимолетный роман?

Может быть, мои предположения верны?

Именно поэтому он использовал столь преувеличенный способ, чтобы рассеять неловкость, которая могла возникнуть из-за моей амнезии, и найти отправную точку для нашей новой дружбы?

— Да поддайся ты ему уже!

Над ухом неожиданно раздался насмешливый голос, сопровождаемый дуновением легкого аромата.

Ли Юань словно по мановению волшебства появилась вновь. Она с улыбкой протянула обе руки, положив их поверх наших с Чжун Цзинем всё еще соединенных рук, и сильно потрясла их. На ее лице играла озорная улыбка победительницы, одержавшей верх в какой-то шалости.

— Ли Юань, ты можешь хоть ненадолго угомониться? Ступай лучше разбуди своего Ли Чжи, пока он с голоду не помер. А не то помрет — и как ты тогда унаследуешь его императорский престол?

Чжун Цзинь, судя по всему, уже привык к внезапным появлениям Ли Юань и ее ошеломляющим репликам. Он с досадой выдернул руку и раздраженно парировал:

— А вот и не дожدهшься! — тут же возразила Ли Юань, но на ее лице по-прежнему цвела улыбка. Она высоко подняла пластиковый пакет, который все это время держала в руке, демонстрируя нам упакованную внутри еду.

Если он умрет с голоду, как же я буду горевать! Я ведь люблю его больше всех! — она резко сменила тон и подмигнула мне. — Даже если в будущем я заведу еще парочку наложников-мужчин, моей главной законной супругой навсегда останется он! Ведь так, Му-му?

Это Му-му прозвучало из ее уст до того естественно, словно мы были знакомы уже добрых восьмьсот лет.

Я лишился дар речи от столь смелых слов, и мои щеки снова начали неконтролируемо гореть.

Ли Юань же, не обращая внимания на мою реакцию, сама собой опустила ужин на мою парту, а затем обеими руками принялась за дело. Действуя без лишних церемоний, она схватила Ли Чжи за голову и принялась ее трясти и хлопать его по щекам:

— Вставай, Ваше Величество! Трапеза подана! Если будешь и дальше спать, империя рухнет!

Под воздействием столь жестокой перезагрузки Ли Чжи наконец крайне неохотно и медленно приподнял голову.

На его лице все еще читалась тяжелая сонная пелена, а взгляд был затуманен, но — что странно — он не выказал ни малейшего недовольства или сопротивления выходкам Ли Юань.

Он лишь молча принял протянутые Ли Юань палочки для еды, открыл контейнер и принялся молча есть. Его движения были изящными, но в них сквозила уверенность человека, привыкшего к тому, что за ним ухаживают.

Ли Юань же, словно преданная служанка, стояла рядом: то подавала воду, то спрашивала, не пересолено ли, и была целиком поглощена хлопотами.

— Вы двое... собираетесь вместе в столовую? — спросила Ли Юань, улучив момент между заботами о Ли Чжи, и перевела взгляд на нас с Чжун Цзинем.

Я посмотрел на еду в контейнере Ли Чжи, которая явно была куплена в ресторанчике за пределами школы и выглядела весьма аппетитно, а затем на вторую, пустую руку Ли Юань, и озадаченно спросил:

— Ты... разве не ешь? Ты что, купила только одну порцию?

— Она?

Чжун Цзинь опередил меня, насмешливо бросив:

— Ей же нужно нянчиться со своим непутевым братцем, когда ей самой есть? Обычно она сначала прислужит этому господину, а потом сама кое-как перехватывает что попало или вовсе остается голодной.

— Непутевый братец? Ли Чжи? — я был поражен до глубины души и невольно издал тихий возглас, машинально глядя на Ли Чжи, который продолжал мирно трапезничать.

Внешне он выглядел абсолютно здоровым парнем, и если не считать его лени, в чем он был похож на калеку?

— Чжун Цзинь! Сам ты калека! И вся твоя семья калеки!

Ли Юань взвилась на месте, точно наступивший на хвост кот, и принялась громко браниться, однако рука, протягивавшая Ли Чжи стакан с водой, ни на секунду не дрогнула.

Сам же Ли Чжи, находясь в эпицентре бури, казалось, совершенно отрешился от происходящего: он неторопливо наслаждался ужином, и в уголках его губ даже таилась едва заметная, неуловимая улыбка.

Он с полным спокойствием принимал все заботы Ли Юань и так же невозмутимо сносил насмешливое прозвище калека. Эта странная манера общения заставляла меня, новичка, чувствовать себя так, будто я заблудился в тумане.

Чжун Цзинь с досадой пожал плечами, выражая всем видом: «Видишь? Вот так они и живут».

Затем он повернулся ко мне:

— Не обращай на них внимания. У них тут классический случай: один бьет, другой подставляется. Пошли, если мы сейчас же не пойдем в столовую, там останется одна похлебка.

Бросив прощальный взгляд на эту парочку с их странными манерами, напоминавшую то ли брата с сестрой, то ли господаря со слугой, я, полный сомнений и невыразимого чувства абсурда, последовал за Чжун Цзинем из класса.

Этот класс для повторного обучения, начиная с учителей и заканчивая учениками, казалось, был насквозь пропитан чем-то необычным.

Мой путь перерождения с самого начала был обречен на то, чтобы не быть тихим.

А Чжун Цзинь... человек, который должен был исчезнуть из моей временной шкалы и не сметь переступить черту, сейчас намеренно знакомился со мной заново. Какое же прошлое скрывалось за всем этим?

<http://bllate.org/book/19329/1890396>